

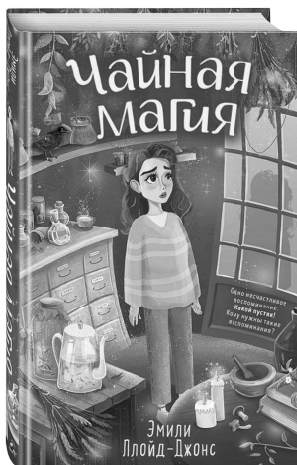

КНИГИ-МАЯКИ

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КНИГИ-МАЯКИ»:

1. Мэгги Блу и Тёмный мир

2. Чайная магия

Лора Себастьян

МАГИЯ В СЕРДЦЕ

МОСКВА 2024

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
С28

Laura Sebastian
INTO THE GLADES

Copyright © 2022 by Laura Sebastian.
Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC

Художник Яна Соловьева

Себастьян, Лора.

С28 Магия в сердце / Лора Себастьян ; [перевод с английского М. В. Смирновой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-178036-4

Ларкин — дочь Ведьмы Топей, и ей уже исполнилось одиннадцать лет, но она до сих пор не может зажечь магией свечу, изменить цвет волос или хотя бы заставить перо левитировать. Вот её подруга Корделия уже открыла свой дар, и чем Ларкин хуже? Но скоро та самая ночь Зимнего Солнцестояния и полнолуния. Та ночь, когда Ларкин обретёт свою магию. В кармане у неё чешуйка дракодила — талисман на удачу. Только, похоже, кое-кто не хочет, чтобы девочка обрела силу...

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Смирнова М.В., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-178036-4

*Посвящается Мэдисон, Джейку и Джерри,
и дружбе, выкованной в огне.
И Стиву, зажёгшему это пламя.*

Далеко в Топях на закате солнца в вечер Зимнего Солнцестояния две девочки подкрадывались к спящему дракониду. Одна держала пинцет, другая сунула руки в карманы своего голубого хлопчатобумажного платья. Обе тихо и осторожно ступали по болоту, солоноватая вода доходила им почти до колен, и чтобы она не испортила юбки, девочки заранее подвязали их повыше.

— Я не хочу этого делать, — прошептала Ларкин, девочка с пинцетом. Её белокурые волосы были заплетены в две прямые тугие косички, перетянутые обрывками жёлтой ленты. Несколько выбившихся прядок она старательно убирала за уши.

— Но ты же хочешь чешуйку, — шепнула в ответ другая девочка, Корделия. Она была выше на пару дюймов, и волосы у неё были цвета коры красного дерева. Эти волосы отчаянно нуждались в расчёсывании, но девочку это ничуть не беспокоило. Внешность Корделии свидетельствовала об отсутствии любви к порядку. Даже её небесно-голубое платье — лучшее, которое у неё было, — выглядело безнадежно измятым.

Ларкин не хотела чешуйку. Она нуждалась в этой чешуйке. Но не было времени объяснять: они уже опаздывали, да и в любом случае Ларкин не была уверена, что Корделия поймёт разницу между «хотела» и «нуждалась». Ларкин вообще не думала, что Корделия знает, каково это — нуждаться в чём-либо. Она знала лишь то, что может получить всё.

Она отогнала прочь приступ зависти и сосредоточилась на спящем дракодиле.

— А ты сама не можешь это сделать? — спросила она у подруги, но Корделия покачала головой.

— Это должна сделать ты. И не смотри с таким ужасом — это всего лишь дракодил, — сказала она, стараясь, однако, говорить тихо, чтобы не привлекать его внимание.

— Дракодил с острыми зубами, когтями и пастью, достаточно большой, чтобы прогло-

тить меня целиком, — пробормотала Ларкин себе под нос, подходя ближе к спящему зверю на шаг, потом ещё на шаг. Корделия держалась рядом с ней.

— Спящий дракодил, чья большая пасть годится только на то, чтобы храпеть, — возразила Корделия. — Кроме того, они смирные. Ты же знаешь это.

Ларкин действительно это знала. Она знала это так же, как знала, что жар-мошки, озаряющие своим светом баньяновые деревья, всегда в конце концов оживают и загораются снова, или что болотницы, плавающие в Соблазн-реке, скорее иллюзия, чем кровь и плоть. Но сколько бы она ни твердила себе, что всё это правда, было трудно помнить об этом, когда она сталкивалась лицом к лицу с существами, о которых шла речь.

Особенно когда лицо... морда этого существа была такой большой, чешуйчатой и зубастой.

— Не будь таким ребёнком, — прошептала Корделия, подталкивая Ларкин вперёд.

Ларкин бросила на Корделию сердитый взгляд, а затем снова повернулась к существу, распротёртому на бревне; его когтистые лапы свисали вниз по сторонам туловища, касаясь воды, глаза были закрыты. Авокадово-зелёные крылья ниспадали вдоль спины. Дракодил был на-

столько неподвижен, что его можно было бы счесть каменным изваянием, поросшим мхом, вот только ноздри его слегка раздувались, а грудь ритмично вздымалась и опадала.

Ларкин оглянулась на Корделию, надеясь, что подруга остановит её, но та лишь пристально смотрела на неё, и в её тёмно-карих глазах читался вызов. В сознании Ларкин эхом прозвучали слова Корделии: «Не будь таким ребёнком».

Ларкин вовсе не была ребёнком. Ей было одиннадцать лет — всего на несколько месяцев меньше, чем Корделии, которой только что исполнилось двенадцать, хотя иногда это небольшое различие казалось вечностью. Они были почти ровесницами, но Корделия всегда казалась намного старше и мудрее, а Ларкин всегда чувствовала себя... ну да, ребёнком по сравнению с ней. Но сейчас она была полна решимости доказать Корделии и себе, что подруга не права. Расправив плечи, Ларкин шагнула ближе к дракодилу — раз, потом ещё раз, — следя за тем, как вздымается и опадает его грудь. Солнце только что коснулось горизонта, и это означало, что они с Корделией действительно опаздывали на праздник Солнцестояния.

Часть её существа отчаянно желала бросить эту затею, уйти подальше от дракоди-

ла и бежать на вечеринку, пока они не пропустили все лучшие угощения, но они не могли уйти, не заполучив эту чешуйку. Чем отказаться от своей затеи, Ларкин предпочла бы вообще пропустить праздник, не говоря уже о том, что Корделия назовёт её трусихой тем язвительным тоном, от которого с мангровых деревьев облетали листья... а это будет ещё хуже. На самом деле, решила Ларкин, укус дракодила, наверное, менее страшен, чем этот тон.

Оказавшись на расстоянии вытянутой руки от зверя, Ларкин приготовила пинцет, который стащила из маминой сумки. Она перехватила его так же, как держала пинцет её мать, когда выщипывала из бровей лишние волоски.

Она всматривалась в широкую спину дракодила, ища идеальную чешуйку: большую, но не слишком большую, яркую, но не слишком яркую, и достаточно некрепко сидящую, чтобы её можно было легко выдрать. Она обнаружила именно такую чешуйку между крыльями дракодила — размером примерно с ноготь большого пальца, такого же цвета, как скошенная трава на солнце.

Дрожащей рукой Ларкин поднесла пинцет к чешуйке и крепко прихватила её край. Затем потянула изо всех сил.

Чешуйка поддалась без труда. За спиной Ларкин раздался резкий вдох Корделии, и девочка застыла в полной неподвижности: дракодил медленно моргнул, открыл глаза, обратился на Ларкин свой золотистый взор. Его длинный хвост щёлкнул, больно хлестнув её по задней стороне голени.

— Ой! — вскрикнула Ларкин, свободной рукой потирая место удара.

В ответ дракодил поднял голову и издал низкий рык, от которого на руках у Ларкин выступила «гусиная кожа».

Это был предупреждающий рык, дававший понять, что нужно удирать. Ларкин знала, что должна бежать, но её ноги не желали двигаться. Она застыла на месте, не в силах что-либо сделать. Она лишь неотрывно смотрела на дракодила, пока мимо её плеча не промелькнуло что-то розовое.

Вскинув голову, дракодил схватил пастью это розовое и начал жевать, липкие нити тянулись от его острых зубов. «Тянучка», — поняла Ларкин, уловив клубничный запах в дыхании дракодила. Он наблюдал за ними, пока жевал, взгляд его жёлтых глаз перебежал с Ларкин на Корделию — как будто хищник оценивал их, пытаясь решить, стоят ли они того, чтобы за

ними гоняться. Затем дракодил снова положил голову на бревно и заснул.

— Ты должна мне одну тянучку, — сказала Корделия, спокойная, как летний ветерок над озером.

Ларкин повернулась, чтобы посмотреть на подругу, её сердце колотилось в груди так громко, что она удивилась, как этот стук не разбудил дракодила. Корделия скрестила руки на груди и самодовольно улыбнулась.

— И одно «спасибо», — добавила Корделия.

Ларкин глубоко вздохнула и потрянула головой, хотя страх, который она испытала, глядя в глаза дракодилу, ещё не покинул её — ей думалось, что этот страх останется с ней надолго. Она положила пинцет и чешуйку в карман платья и подошла к Корделии, стараясь не показать, как сильно у неё дрожат ноги.

— Спасибо, — произнесла она, подражая спокойному тону Корделии. — На празднике

Солнцестояния будет сладкий пирог. Я отдам тебе свой кусок, и мы будем в расчёте.

— И вовсе не в расчёте, пирог раздают просто так, — возразила Корделия, однако взяла Ларкин под руку, и девочки направились туда, откуда пришли.

— Ты стащила тянучку у своего брата! — парировала Ларкин.

— Именно, — кивнула Корделия. — Мне пришлось очень постараться.

— Тебе стоило бросить её до того, как он ударил меня хвостом! Это было очень больно!

— Не так больно, как его укус, — заметила Корделия.

Ларкин не могла с этим поспорить. Кроме того, у неё остались целыми все конечности, в кармане лежала счастливая чешуйка дракониды, а рядом шла лучшая подруга. Саднящая нога совсем не повод для жалоб.

— Пойдём, — сказала Корделия, увлекая за собой Ларкин. — Мы опоздаем.

К тому времени, когда Корделия и Ларкин добрались до Лабиринтового Дерева, празднество уже было в самом разгаре. Оркестр, устроившийся в углу площадки, играл музыку — весёлую, громкую и быструю, на её фоне разговоры и смех сливались в сплошной ровный гул. Люди, собравшиеся здесь, были одеты в самые лучшие наряды — в Топях, где большинство населения трудилось на открытом воздухе, «лучшими нарядами» считалась одежда с наименьшим количеством заплат и пятен от соли.

В Топях росло множество баньяновых деревьев, но Лабиринтовое Дерево было старейшим из них. Кто бы мог вообразить, что